

Театр мимики и жеста

— Наши актеры, не имея слуха, обрели особое чувство пластичности, внутренней музыкальности и гибкости. Они могут все, — говорит главный режиссер Московского театра мимики и жеста Александр Щекочихин. — Они в равной степени интересны и в драме, и в пантомиме, и в музыкальных спектаклях.

В том, что его оценка далека от преувеличения, убеждаешься, побывав на представлениях этого театра (одного из немногих в мире), где играют глухонемые актеры.

Авторский текст исполнители передают мимикой и жеста, а дикторы озвучивают его. В труппе театра 44 человека. Все они «говорят» голосами шестерых дикторов.

Возникнув 18 лет назад, театр выдумывался как чисто драматический, рассчитанный на зрителя, лишенного слуха. Затем попробовали пантомиму, а позднее стали вводить в спектакли музыкальные элементы, которые постепенно усложнились. Потом пришла оперетта. Актеры поют, танцуют, а звуковую сторону берут на себя все те же дикторы.

Наши драматические спектакли, — продолжает Щекочихин, — можно сравнить с дублированным зарубежным фильмом. Дикторы — тоже очень хорошие актеры. Зрители, побывавшие на наших музыкальных спектаклях, говорят не о том, как, мол, удивительно, что глухие поют и танцуют. Они говорят: как хорошо они поют и танцуют! Мы не делаем никакой скидки на глухоту актеров, да они в ней и не нуждаются. Мы работаем для всех. Иначе зачем им нужны?

И все же это театр необычный. «Театр-эксперимент» возглавляет его режиссер пантомимы Евгений Низовой. При постановке спектаклей приходится решать проблемы, которые перед другим театром не

стояли бы: какого цвета должно быть оформление, чтобы на его фоне была видна рука артиста, в каком объеме человек должен играть и петь, понимает ли его зритель и до какого ряда, как построить мизансцену, чтобы антеры видели друг друга и при этом были обращены лицом к публике...

Среди новых работ театра — драма Билль-Белоцерковского «Шторм» и спектакль «Смех и слезы короля комедий», посвященный Чарли Чаплину.

Московский драматург Эдуард Федотов, написавший сценарий специально для Театра мимики и жеста, жанр своей пьесы определил как трагическую клоунаду. Мы видим Чаплина, которому исполнилось 54 года, и он счастлив: за все невзгоды в личной жизни он вознагражден встречей с Уной. Но в Америке началась «охота на ведьм», и Чаплину грозит изгнание из страны.

— Чаплина мы считаем своим предшественником. Мы работаем в общем-то теми же приемами, что и немое кино. Да и задачи искусства не изменились со времен Чаплина. — говорит режиссер-постановщик спектакля Гелий Якерсоль.

В репертуаре Театра мимики и жеста — пьесы Гоголя, Островского, Брехта, Шиллера. Спектакли этих авторов, адаптированные для Театра мимики и жеста, естественно, претерпевают изменения. Лишний текст убирается, ремарки превращаются в действия. Весь спектакль обращается в зримый ряд, особый символический смысл несут мизансцены.

Есть у театра и представления для пантомимы, например «Капричос», где как бы оживают офорты великого Гойи и преследуют художника, потерявшего слух.

В плане театра — постановка детской оперы «Терем-теремок» композитора Соловьева-Седого.

При театре работает студия, набор в которую происходит раз в восемь лет. Артистическая молодежь приезжает сюда со всех концов страны. Важная роль отводится преподавателям из училища имени Щукина при театре Вахтангова.

Олег ПИСАНОВ.

(«Московские новости» — АПН).